

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С.В. ЛУРЬЕ

“Дружба народов” в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации?

В статье “дружба народов” в СССР исследуется как имперский проект и как практика повседневных отношений в советском обществе. Особое значение уделяется роли в нем русских. Анализируются формы восприятия этого сценария горожанами разных национальностей, а также его идеальная подоплека.

Ключевые слова: национализм, империализм, доминирующий этнос, культурный сценарий.

In article “the friendship of peoples” of the USSR is investigated as the imperial project and as practice of daily relations in the Soviet society. Special value is given to a role of the Russians in it. Forms of perception of this scenario by townspeople of different nationalities, and also its ideal underlying reasons are analyzed.

Keywords: nationalism, imperialism, dominating ethnos, cultural scenario.

Почему россияне до сих пор, через 20 лет после крушения Советского Союза не могут сформировать новые, приемлемые с этической точки зрения модели межэтнических отношений? Я рассмотрю эту проблему с социально-антропологической точки зрения. Она состоит в изучении полиэтнического общества как целого, развивающегося под воздействием как экзогенных, так и эндогенных факторов. С одной стороны, члены общества подвергаются идеологической обработке (толерантность – тоже идеология, связанная с глобализацией), с другой – на диаспоры воздействуют материнские этносы. Но, в конечном счете, общество – это самоорганизующаяся (зачастую спонтанно) структура.

В качестве примера я выбрала феномен “дружбы народов”. Именно эта система отношений между национальными группами существовала в крупных городах Советского Союза. Она интересна потому, что, с одной стороны, мы уже достаточно отошли от советских времен, чтобы взглянуть на это явление без избытка эмоций, а с другой – вокруг живет множество свидетелей (включая нас самих), хорошо помнящих данную форму общественного устройства. Причем меня будет интересовать не столько официальная идеология “дружбы народов”, сколько ее реальное воплощение в практической жизни, явление значительно более глубокое и сложное, чем просто воплощение заданной идеологемы. Я принципиально ограничусь тем, как видели общество “дружбы народов”

представители *нерусских* диаспор в русских городах, как они понимали свою роль, как определяли роль русских (что может казаться странным самим русским) и какие выводы это помогает сделать о причинах крушения казавшейся прочной системы межнациональных отношений. Эмпирическое исследование проводилось в Санкт-Петербурге методом глубинного интервью. Интервьюированию были подвергнуты по 15 членов диаспор: армяне, грузины, дагестанцы, литовцы, немцы, татары, украинцы, финны, все респонденты старше 40 лет, знающие советскую действительность не понаслышке.

Коротко обрисую теоретическую базу исследования. Прежде всего следует разобраться в том, что представляет собой идеологема “дружба народов”, своими корнями восходящая к феномену, который в период Великой французской революции был назван *национальным проектом*, а также понять, почему можно определить идеологему “дружба народов” именно как национальный проект – и в аспекте идеологии, и в аспекте социальной практики. Для этого надо прежде всего коснуться проблемы национализма и национальных общностей, равно как того, что есть национализм по отношению к культурной (или этнокультурной) общности.

Типы национализма

Имеется целый ряд концепций национализма, однако тезис о том, что существуют по меньшей мере два или больше типов национализма не оспаривает никто. Часто предпочитают говорить о множественности типов национализма. Чтобы разобраться в этой проблеме, следует обратиться к классической схеме двух типов, которая в свое время была предложена Х. Коном [Kohn, 1967].

По его мнению, существует национализм центра (его еще называют западным, а также французским типом национализма) и противостоящий ему национализм периферии (который называют также восточным или германским типом национализма). Первый изначально имел политическую мотивацию. Он был сформирован в процессе строительства нации и обретения ею суверенитета, то есть в борьбе с монархическим принципом легитимности. Национализм центра сконцентрирован на текущей политической борьбе, а не обращен в прошлое, то есть ориентирован на достижение практических, рационально положенных целей. Нация понимается как объединение граждан. В национализме периферии, напротив, силен акцент на прошлом, которое подвергается инструментальной интерпретации и на основании которого формируется образ “идеального” отечества в будущем как отдаленной цели – эти ключевые элементы не связаны напрямую с решением практических политических и экономических задач и нагружены высоким эмоциональным содержанием. Нация в этом случае понимается как сообщество, построенное на неформализуемых парадигмах традиционной культуры.

Таким образом, немецкая нация появилась сначала в трудах интеллектуалов-романтиков как вечный дар, основанный на общности языка и культуры, а французская представляла собой политический проект (*projet politique*). Со временем произошло неожиданное: и та и другая модель трансформировались, от “западной” модели осталась форма, то есть ее проективная составляющая, а содержание в значительной мере сблизилось с содержанием “восточного” национализма. Во Франции, где возникла сама мысль о возможности национализма как проекта, произошла его идеологическая корректировка. В других странах национализм осуществлялся как своего рода культурно-политический проект, но в основании этого “проекта” изначально лежали элементы частично заимствованные из немецкой системы, частично выработанные местными интеллектуалами и выдаваемые ими за исконные для каждой данной культуры. Таким образом, в каждом случае мы имеем дело с политическим проектом, сознательно основанном на идеологеме и сконструированном искусственно.

Из многочисленных определений нации наиболее адекватной с точки зрения социолого-антропологического подхода мне представляется концепция К. Вердери, интерпретирующая нацию как символ (или миф), использование которого само творит реальность [Вердери, 2004]. Национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различных психологических и идеологических конструкций, которые облекаются

в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания. Культура имеет адаптивную функцию (делая мир посредством коррекции восприятия более комфортным для человека), деятельностную функцию (представляя мир как объект деятельности человека), коммуникативную функцию (превращающую мир в средство коммуникации и создавая условия для распределения культурных ролей и их адекватного взаимодействия) и функцию самоорганизации, представляющую социокультурной системе возможность реструктуализации в ответ на внешние изменения, вызовы или угрозы. Следовательно, нация – это сформировавшаяся под влиянием идеологии национализма форма существования культуры [Лурье, 1999]. Под культурой может пониматься и этническая культура, присущая одному этносу, и полиэтничное общество, представляющее собой совокупность этносов и этнических групп, живущих в постоянном взаимодействии и имеющих совместимые или пересекающиеся обобщенные культурные сценарии [Лурье, 2010].

Таким образом, отрицается возможность реализации национального проекта как головной схемы, на практике существуют в каждом случае как бы *два национализма* и *две нации*: с одной стороны – национализм, которому учат его идеологи, и нация, как ее идеологи представляют, и с другой – национализм, как он преломляется в сознании народа, и нация, которая складывается на основе этнической культуры под влиянием националистического дискурса, не столько официального, сколько преломленного народным сознанием.

Такое определение нации может быть перенесено и на этничность и ее социокультурное окружение, то есть допустимо говорить о проекте социокультурного окружения, нацеленном на развитие связей между нациями. Этот проект, предопределяя взгляды этносов на свое окружение и взаимодействие с ним, задает определенную перспективу видения полиэтничного общества. Чаще всего соседские отношения устанавливаются стихийно, но мне важно подчеркнуть, что и в этом случае возможен целенаправленный проект. Это также тот случай, когда “миф” через процессы творит реальность. Таким проектом в Советском Союзе были идеологемы “дружба народов” и “советский человек” как связанная с ней наднациональная характеристика.

Проект “дружба народов”: национализм, империализм и интернационализм

Оставляю за рамками темы истоки этого культурно-политического проекта, но отмечу, что в отличие от волны национализмов конца XIX–начала XX в. советский проект “дружба народов” схож с французской моделью. В нем более, чем в других национализмах, заметны именно проективные черты, он строится на алгоритмах отношения граждан и общества и граждан между собой, он не имеет присущей восточному типу национализма романтической подосновы. И советский, и французский проекты замышлялись как инструменты построения общества принципиально нового типа, оба были эксплицитно нацелены на решения насущных политических задач, оба отвергали прошлое и выстраивали суверенитет общества на основании отказа от монархической легитимности.

Этот проективный каркас был надет на русскую культуру, которая в 1917 г. продолжала оставаться имперской, и на культуры народов, входивших в Российскую империю, к тому моменту уже имевших глубокий пласт общих с русскими культурных значений и опыта совместного проживания. Поэтому, возвращаясь к трактовке нации Вердери, нужно учитывать, что складывающаяся национальная реальность представляла собой производную от национальных мифов, причем мифов, преломленных в народном сознании в соответствии с их обобщенным культурным сценарием.

Но ни один проект не осуществлялся на голом месте, а в данном случае было бы уместно отметить, что не только национализм делится на типы, на типы также делится и *империализм*. И ту модель империализма, которая была присуща Российской империи (как и модель “дружбы народов”) тоже называли то русской, то французской, рас-

смаывая эти определения как синонимичные. Причем главная черта, сближающая русский или французский типы империализма, – склонность к ассимиляции окраин или колоний, к превращению всего населения империй в русских или, соответственно, французов. В этом сходство французского, русского и советского национализма.

Если бы речь в советском проекте “дружба народов” шла об ассимиляции граждан, то мы имели бы дело (по крайней мере частично) с клоном французского проекта. Но советский проект, в отличие от него, не предполагал полной ассимиляции – и это была его принципиальная черта. В его основании лежала идеологема интернационализма. Исторически это был первый проект такого рода – проект многонациональной общности (американцы тогда еще не задумывались над этой темой, а европейские народы оставались в рамках имперских парадигм).

Для осуществления идеологемы интернационализма нужны были нации, не говоря уже о том, что развитое общество с точки зрения советских идеологов непременно состоит из наций, модели отношений между которыми и предстояло выработать, равно как и создать образ “советского человека”, носителя интернационализма. Таким образом, проект оказывался как бы направленным к воплощению двух противоположных целей. С одной стороны, национальное сознание целенаправленно пробуждалось, а в отношении ряда народов можно сказать, что оно формировалось. Ведь каждое племя, не успевшее в начале XX в. вписаться в привычные для “цивилизованных стран” характеристики национализма, обязано было в советском обществе осознать себя нацией, получить свою письменность, национальный театр, библиотеку, университет. Народности, раздробленные, имевшие слабое самосознание, должны были осознать свое единство и целостность. С другой стороны, как только национальное самосознание становилось более или менее отчетливым, оно подлежало репрессии как “мелкобуржуазный национализм”, разрушающий интернациональный проект.

Так что одной рукой советская власть создавала, а другой подавляла, но не уничтожала. Советский народ в итоге должен был представлять собой идеал интернационализма, то есть не образовать единую нацию, а оставаться совокупностью наций. Национальное самосознание не должно было коррелировать с проективным национализмом, связанным с мифом о “золотом веке” в прошлом народа и мифом о “золотом веке” в будущем, к началу XX в. распространившимся почти по всему миру. “Золотой век” в будущем мог стать достоянием только советского народа в целом, а “золотого века” в прошлом у наций не могло быть ввиду их социального и национального угнетения.

Сложность этой двуединой политики и идеологии порождала повышенное внимание к межнациональным отношениям и культ “дружбы народов”. Эта идеологема была в Советском Союзе ключевой. Особо эмоционально (и может быть, слишком откровенно) она звучала в гимне Советского Союза – “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь”. Этот союз представлял собой “дружбы народов надежный оплот”. Такова была видимая сторона медали, проект, головное изобретение. И “дружба народов”, и “советский человек” существовали в виде абстракции. На практике это была сложная культурная система, отразившая и самопредставление русских, и самопредставление других народов, но самое главное – отразившая представление других народов о русских. На таком реальном фундаменте была построена система функционального взаимодействия, основанная на игре интерпретаций и реинтерпретаций неким образом почерпнутого и усвоенного содержания национального (в данном случае, интернационального) дискурса.

“Дружба народов”: замысел и реалии

Насколько реализация проекта соответствовала замыслу? Попытаюсь показать культурно-политический проект “дружба народов” в его низовой форме, в значительной степени помогавшей советским народам пережить ужасы тоталитаризма.

Опрошенные представители разных национальностей во времена Советского Союза в своем большинстве ощущали свою национальность достаточно четко (кроме

украинцев). Даже те респонденты, которые заявляют, что забывали о своей национальности, в процессе дискурса демонстрируют, что всегда о ней прекрасно помнили, и в этом контексте высказывания типа *“я забывал, что я армянин, татарин, грузин и т.п.”* означают: *“это не было для меня особенно важно, были вещи более важные”* (грузин, 51 год) или *“мне, находящемуся в инонациональном окружении, об этом никто не напоминал, меня принимали за своего”* (татарин, 47 лет). Стремление к некой псевдоассимиляции испытывали только две группы из опрошенных – те, с кем мы воевали в годы Финской и Великой Отечественной войн (немцы и финны): *“Прятали все, что могло нас выдать как немцев. Молчали как мышки. С 1941 года язык, на котором раньше говорили в семье, старались забыть, меняли имена на русские”* (немец, 69 лет). *“Мы были такие обрусевшие, что все традиции растеряли”* (финка, 64 года). Определенная степень обиды наблюдается у татар: *“У меня все друзья русские, и не потому что я их выбираю, а потому что так получилось... Но очень обидно было, что невольно приходилось свое мусульманское имя переделывать на русский манер”* (татарка, 55 лет). Другой респондент ей противоречит: *“Я никогда не скрывал, что я татарин. Свое имя не переделывал на русский манер. Оскорблений в адрес своей национальности не встречал”* (татарин, 60 лет).

Остальные опрошенные не стремятся денационализироваться и ассимилироваться, но при этом многие вполне искренно выражают индифферентность и к своей национальной истории, и к своим традициям. Чтобы балансировать на этой тонкой грани официальной *“дружбы народов”*, в Советском Союзе необходимо и достаточно было знать о наличии своих традиций, но не обязательно понимать, в чем они состоят (хотя в ряде аспектов и желательно). Соблюдать же обычаи допустимо было только в их фольклорной части и в присутствии представителей других национальностей, в первую очередь – русских, или же, в иных случаях, наоборот, исключительно в своей среде: *“В Литве, когда мы собирались – а у нас много родных – мы говорили только по-литовски, пели литовские песни. Но желания обратить внимание на свою национальность не было. Песни, язык... Это и так было... Только на чисто бытовом уровне, а что касается исторических вопросов... Но их никто не задавал. Зачем?”* (литовка, 48 лет).

Позволялось иметь друг о друге общее представление как о разных нациях, не углубляясь в национальный вопрос. Этничность поддерживалась внутри народов, чтобы сохранить подобия наций, чтобы было из чего строить пролетарский интернационализм. Часто этническая культура воспринималась как нечто, что должно быть в заданных рамках продемонстрировано другим: *“Проводили декады наших поэтов, были связи в спорте”* (дагестанец, 46 лет). *“Дружба народов выражалась в фестивалях, конференциях, симпозиумах, что позволяло узнавать друг друга”* (литовец, 57 лет). Причем желательно, чтобы это знание прививалось в праздничной форме, как торжество интернационализма: *“Обычаи соблюдали только разве что в дружеских компаниях — тосты, песни, танцы”* (дагестанец, 65 лет). *“Мы жили так дружно, что наши обряды и традиции так переплелись с другими народами и все перемешалось...”* (грузин, 56 лет). Власти не возражали, чтобы контур собственной этничности сохранялся, ведь он был основой пролетарского интернационализма.

Что из этого получалось на практике, в жизни народов бывшего СССР? Еще раз напомним, что наши респонденты – представители национальных меньшинств, и очень многое они видели “нерусскими” глазами, концентрируясь на не очень важном для русских и абстрагируясь от того, что казалось русским первостепенным.

Этничность выглядит в крупных городах СССР как намеченные контуры для другого рисунка: *“Национальность находилась как бы в спящем состоянии внутри человека”* (татарин, 48 лет). Сознание “советского человека” во многих случаях превалировало над сознанием этничности. В некоторых случаях советское заменяется русским: *“Я гордился, что я дагестанец, что живу в России”* (дагестанец, 68 лет). *“Мои дедушки и прадедушки воевали за Россию, во многих местах лежат кости наших предков, хотя у нас есть обычаи хоронить в своей земле. Но мы и считали эту землю своей, потому и не привозили в Дагестан. Это наша Россия, а то, что*

делают политики – нас, простых, это не касается” (дагестанец, 45 лет). “У меня никогда не было желания поехать на родину в Татарстан, так как я считала, что и живу на родине” (татарка, 68 лет). “Оказавшись в России, я еще более утвердилась в том, что скорее я все-таки больше русский человек, чем армянин” (армянин, 42 года). «В определенных ситуациях, особенно за границей, всегда говорила: “Мы, русские”. А что в этом неестественного?» (литовка, 59 лет). “Я, лично, больше ощущаю себя россиянином, потому что воспитаны мы все-таки на Пушкине, Лермонтове” (армянин, 45 лет). “Историю России, безусловно, принимали за свою, ведь мы здесь родились, и наши предки жили здесь” (немка, 57 лет).

Нередко в ответах присутствует определение советского общества как безнационального, но с очень интересным обоснованием. Например: “В национальном отношении советское общество было безнациональным, к людям относились с уважением” (дагестанец, 78 лет). Относиться уважительно – значит стоять над национальными перегородками. Или: национальность в определенной мере снимается умением правильно выстраивать межнациональные отношения. Очень часто респонденты говорят, что межнациональных отношений “не было”: “Семья жила в Белоруссии. Там о межнациональных отношениях и не слышали” (татарка, 45 лет). Это означает не столько то, что не было конфликтов, а то, что они не выражались эксплицитно. Если межнациональные отношения, с точки зрения людей, выстроены правильно, то их как бы нет. Этничность воспринималась как конфликтность, а коли конфликтности не было, то не было, казалось, и этничности: “Да не было их – этих межнациональных отношений. Было общество. И все” (литовка, 47 лет). “Национальных отношений в Союзе не было ни в каких сферах, ни в компаниях, ни в быту” (грузин, 65 лет).

Но тут следует отметить очень важную вещь. Этничность сохранялась, но благодаря каким-то механизмам все вместе и каждый по отдельности находили общий язык. Это невозможно навязать сверху. “Кажется, честь, мораль разные, и ассоциации с этими словами разные, и, несмотря на это, мы все равно друг друга понимали. А мусульманство, которое половина России? Мы понимаем друг друга, это только так кажется, что не понимаем, на самом деле мы друг друга прекрасно понимаем” (армянка, 55 лет). Акцент на взаимопонимании – точнее, на желании и, еще важнее, на умении понимать вопреки внешним (и только ли внешним?) неискоренимым различиям. Это немного напоминает игру, но игра эта ведется на очень серьезном уровне: “Может быть, это было искусственное общество. Компромиссов было много, но и лучшего на сегодня нет” (литовец, 55 лет).

Это общество бесконечных взаимных компромиссов, которых так много, что они превращаются в сам смысл общественной жизни, оттачиваются до уровня искусства. Безусловно, оно искусственно, то есть рукотворно, все члены этого общества творят его. Оно искусственно, потому что оно отчасти игра. Это общество отношений, общество общения: “Люди могли общаться. Это было общество, в котором люди общались” (дагестанка, 51 год). “Проблем не было. Абсолютно. Наоборот людям было интересно, как это так и откуда взялось” (грузин, 56 лет). “Людям было интересно общаться” (литовка, 49 лет). “Даже наоборот, еще было интересней, людям было интересно общаться, потому что я вот ездила, я могла рассказать, я знаю два языка, я знаю песни, общение большое было” (литовка, 47 лет). “Взаимопонимание между представителями разных народов было полное” (грузин, 57 лет). “Каждая нация несет в себе много хорошего, и ее слияние с другими дает положительный эффект – общий язык, понимание другого” (татарин, 53 года). “У многонационального общества, мне кажется, что одни только преимущества. Это все равно, что сварить говядину – можно просто говяжий бульон, но куда вкуснее съест борщ” (армянка, 57 лет). “Ну я не знаю, я этого не видела, этого неравенства, Очень редко встречались такие люди, которые начинали сами провоцировать. Вот кто-то приходит в компанию и начинается. Его просто отторгали из этой компании. Не позволяли ломать то, что уже было” (литовка, 47 лет).

К искусству компромисса и сублимирования конфликтности добавлялся культ общения и культ “хорошего человека”: “Все зависит от самого человека. Хороший – и

вокруг него будут только хорошие” (дагестанец, 50 лет). “Никаких нетактичности не припоминаю” (татарка, 51 год). Квинтэссенция этой идеи выражена в следующих высказываниях: “Дружба народов действительно существовала, поскольку я в жизни встречал много хороших людей” (немец, 55 лет). “Дружба народов существовала, меня принимали за своего, вели себя со мной тактично” (грузин, 56 лет). С рассматриваемой здесь точки зрения ответ вовсе не парадоксален. Дружба народов включала понятие “хорошести” и тактичность как его особую сторону, необходимую, чтобы считаться хорошими, а значит, принятыми в социум.

Однако в том, что межэтнические отношения людей “не интересовали”, можно усомниться. “Не интересовали” – скорее своего рода “игра”: “Я по своему внешнему облику, не только по внутреннему содержанию в жизни человек интернациональный, поэтому в какую бы республику ни приезжала – везде я была своя. В Молдавии – молдаванкой, на Украине – украинкой, в Грузии – грузинкой, а в Баку, обычно, – еврейкой. Это мне уже было абсолютно все равно, – за кого меня принимают, я со всем соглашалась безропотно” (армянка, 57 лет). “Но вот был такой случай. В поезде, в купе гордо назвала себя литовкой. Соседями были мужчины, воевавшие в Афгане. Один из них столько негативного сказал про литовцев. Я долго, как могла, защищалась, и наконец, после продолжительной беседы он выскочил из вагона на станции и вернулся с огромным букетом цветов. И поблагодарил меня за то, что я ему объяснила все, как бы сняла с него груз обиды, который он имел на литовский народ” (литовка, 51 год).

Шла игра в то, что “через голову” национальных отношений должен проявлять себя особый “политес” – мягкость, тактичность, понимание “другого”, порой очень непривычного, умение в различной оболочке видеть добрые качества людей и апеллировать к ним. Вот один из ответов на вопрос “Каким русские представляли ваш народ в тот период?»: “Многие ездили к нам, им нравилось. У нас было доброжелательно. Думалось, что представляли нас хорошими людьми” (литовка, 49 лет), то есть включали в сценарий “дружбы народов”.

“Дружба народов”: люди и государство

Невероятно было стремление к человеческой теплоте. Наверное, от холода тоталитарного режима: “Многонациональное государство имело одни преимущества. Это как перчатка и варежка – где пальчикам теплее?” (украинка, 59 лет). Что особенно важно: межнациональные отношения выстраивались часто через голову административных, силовых и иных органов: “Общаться с простыми людьми было легко и просто. Коммунисты, это одно, а простой народ, коллеги, это совсем другое” (немец, 59 лет). “Если и были недостатки, то на уровне руководства, мы простые люди и нам жилось хорошо” (финка, 65 лет). В ответах нерусских респондентов “дружба народов” за очень редким исключением не воспринималась как идеологическая категория. Она практически не считалась порождением социализма: “Еще в школе я задумывался, что такое пионерия, комсомол. И кроме бессмыслицы ничего не видел. А вот дружба народов была реальной” (грузин, 47 лет).

В чем основа “дружбы народов” в сознании людей, кроме общения и взаимопонимания многомиллионной массы людей, их взаимоподдержки? В событиях и испытаниях Великой Отечественной войны: “Дружба была реальной. Наши отцы были фронтовиками” (армянин, 51 год) и в “счастливом детстве”: “У меня было детство, юность, пусть и вызывающие сейчас смех – комсомол, пионерия. Но это была интересная жизнь” (украинка, 48 лет). “У нас было нормальное детство, пионерское” (литовка, 45 лет). Причем пионерия и комсомол, в отличие от партии, в контексте дружбы народов принимают часто отчетливо позитивный оттенок: «Когда я была комсомолкой, мне дали поручение встретить в Ленинграде мать Зои Космодемьянской – теплоту и радость встречи помню до сих пор. И это отождествляю и с дружбой народов, и с понятием “советский человек”» (финка, 73 года).

Ответы на вопрос о дружбе народов очень развернуты, включают рассказы о своей собственной жизни и жизни своей семьи. Они позволяют понять, что конкретно в это

понятие вкладывается, об отношениях какого рода идет речь. Каков, говоря языком современных антропологов, этот *сценарий* – развернутая во времени схема отношений? Как происходит культурная трансмиссия – то есть как юный член общества включается в данный культурный сценарий? *“Предубеждение было у наших отцов, а у нас уже было совсем не так. Я думаю, у наших детей, останься Союз, вовсе бы непонимания не было”* (литовка, 55 лет). Ясно, как к этому сценарию подключаются носители различных культур. Ведь речь идет о системе отношений, где не требуется глубинный отказ от себя, денационализация как таковая. Скорее, требовалась ее имитация. Самобытность могла сохраняться, но поведение во многом строилось на компромиссах, почти не рефлекслируемых.

Это была игра компромиссов, которая, по сути, вовсе не обязательно вытесняла национальность, она шла поверх нее и заполняла определенные лакуны моделей общения, не занятые в национальных моделях. Сценарий “дружба народов” вовсе не обязательно отменял “национальный сценарий”, скорее, он его несколько трансформировал. Народы, традиционно соперничающие и даже враждовавшие, должны были сублимировать свою враждебность. Требовалось принятие системы компромиссов, как, например, невыпячивание своей национальности, невынесение исторически сложившихся национальных распрей на люди. Как говорилось в одном интервью: *«Больше всего боялись вмешать в свои межнациональные конфликты власти. Власть бы ничего не поняла и такой огород бы нагородила. Конфликты разрешались в сублимированной форме: в виде спортивных соревнований, конкурсов “А ну-ка, девушки”, КВН, на крайний случай в качестве разборок на дискотеках, перенесенных на бытовую плоскость»* (армянин, 52 года).

Поскольку “друзят” именно народы, человек и осознает себя представителем одного из народов, но его национальное сознание смягчено, для него важно утвердиться не в роли “представителя народа” (это и так в рамках советского национального проекта предрешено), а в роли человека, способного понимать представителей других народов и быть понятым ими, воплотить гармоничное сосуществование различных культур, ценностей, обычаев. Вспомним любимую советскую присказку: “Счастье – это когда тебя понимают”. Сам патриотизм опирается не на государственность, а на межчеловеческое общение: *“Да, являлся патриотом Советского Союза, без оговорок. Советский Союз – это страна, а строй – он сам по себе. Страна – это люди, культура, язык. Это родные люди, родная культура, без них мы сами – не люди”* (армянин, 52 года). Это действительно была низовая культура, власти в этой игре совершали только какие-то ритуальные действия: *“Коммунистическая система не смыслила в национальных отношениях ни бельмеса. Это было замечательно!”* (армянин, 52 года). *“Национальная политика властей шла параллельно со всей народной жизнью, мало пересекаясь”* (татарин, 58 лет).

Межнациональное единство и есть тот идеал, к которому стремится общество. И это не идеологема, а навык. Навык поведения в полинациональной и поликультурной среде, навык сочетания разнообразия и единства, навык взаимопонимания представителей различных культур, навык выстраивания межнациональной, межкультурной гармонии.

“Дружба народов” и “советский человек”

Если “дружба народов” – сценарий, то есть модель взаимодействия, то “советский человек” – функция, предикат и смыслополагающая идеологема одновременно. Тот, кто участвует в сценарии “дружба народов”, – “советский человек”. Это понятие, как и “дружба народов” внеидеологично. В этом контексте вполне корректны высказывания: “дружелюбный человек – советский человек”, “тактичный человек – советский человек”, “готовый помочь человек – советский человек”, вообще “хороший человек – советский человек”. Но “советский человек” не означало – *“носитель советской идеологии”*. *“Советский человек – это единый человек”* (украинка, 61 год). *“Советский*

человек – это человек гордый, за свою страну” (татарка, 40 лет). «В советском человеке заложено все совершенное, и на сегодня нет формации, которая могла бы дать больше, чем понятие “советский человек”» (дагестанец, 45 лет). «Понятие “советский человек” заключало в себе гордость» (грузин, 65 лет). “Советский человек был свободен в выборе. Он мог для себя решить, что ему надо, и сделать это” (дагестанец, 78 лет). Советский человек в подавляющем большинстве интервью не ассоциируется ни с коммунистическим строем, ни с тоталитарным режимом. Напротив, он существует как бы **вопреки им**.

Таким образом, мы видим перед собой коллективно разыгрываемую жизненную драму, где “советский человек” – роль. Образ “советского человека” ассимилируется сценарием “дружба народов” и придает последнему внутренний смысл, делает всю “игру” не замкнутой в себе, а идеально значимой, разворачивающейся во множестве сценариев. Речь идет о сценариях “Советский человек – впереди планеты всей”, “И на Марсе будут яблони цвести”, “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Таким образом, “советский человек” – самостоятельная культурная тема, проистекающая из темы “дружбы народов” и придающая ей идеальное значение. Ради этого идеала – научение сложному искусству компромисса, сублимирования, общения и “хорошести” по отношению к своим, коих миллионы и миллионы.

“Советский человек” – смыслообразующая идеологема. Это действительно “творчество масс”, обездоленных, лишенных всякой внутренней и внешней опоры, обкраденных, униженных людей, которые хотели не только выжить, но встать “впереди планеты всей”, запустить первый спутник, стать самыми сильными: “Он был доволен куском хлеба, тарелкой супа. И такие люди были везде, по всему Союзу” (дагестанка, 45 лет). “Советский человек” был доволен тарелкой супа, ради того, чтобы летали в космос его ракеты.

У Ф. Достоевского есть мысль, что люди в безбожном обществе будут очень любить друг друга. “Дружба народов” – отголосок такой любви. В известном смысле – это суррогат. Но этот суррогат все более и более обретал черты реальной жизни. Столько человечности было в тех отношениях, если они, как светлая сказка, не могут не остаться в памяти. Просто сама эта человечность должна была найти свое место и свой внутренний стержень. Не смогла или не успела.

“Дружба народов” и русские

Разумеется, культуры не были равны. Весь каркас советской культуры держался на специфическом преломлении русской культуры. Все опрошенные признают себя носителями “высокой русской культуры”. Для части народов русская высокая культура заполнила отсутствующий или слишком тонкий пласт собственной высокой культуры. Для народов, имевших свою высокую культуру, русская дополнила и обогатила ее. Относительная легкость приятия русского объяснялась тем, что русские (в качестве русских, а не власти) не посягали на бытовую культуру других народов, часто и сами усваивали бытовую культуру местного населения: кухню, стиль одежды, элементы поведения, некоторые обычаи.

Но какова роль русских в сценарии “дружба народов”? Систему “дружбы народов” можно представить себе как одну из форм выражения русского имперского комплекса, в том числе в его природно-низовом выражении. Лишь согласно поверхностному взгляду русские были менее остальных включены в этот сценарий. Помимо и вопреки официальному дискурсу “дружбы народов”, на низовом уровне сложился свой национально-проективный дискурс, который выражался известной фразой: “лишь бы человек был хороший”. Для нерусских членов советского общества он означал сопричастность общей обязательной “хорошести” советских людей, а также возвышал невероятный интернационализм русских, которые своим примером демонстрируют, что национальность неважна. Для русских же этот дискурс зачастую означал совсем иное: “Человек не виноват, что его произвела на свет нерусская мама, давайте не будем

по этой причине относиться к нему плохо. Здесь не вина, а беда”. В тех нескольких интервью, где говорится о “тактичном отношении”, возможно, проскальзывает мотив понимания этого аспекта: *“Никаких нетактичностей не припоминаю”* (татарка, 51 год), *“вели себя со мной тактично”* (грузин, 56 лет). Но гораздо чаще нерусские респонденты ничего подозрительного не замечали.

Поэтому взгляд на русских был очень интересным. Казалось, идеологема “дружба народов” не обязательно должна была превращаться у русских в поведенческий навывк. Просто их роль в сценарии “дружба народов” несколько отличалась. *“Это роль сказочного Деда Мороза, перед которым пляшут и поют, а он улыбается, гладит по голове и раздает подарки. Принцип тот, что другие народы делают для русских, а от русских получают похвалы и подарки. Если они (русские) таки берутся за дело, то им необходимо помочь”* (армянин, 53 года). Задача русских в культурном сценарии “дружба народов” – центральная, одновременно и самая простая (поскольку именно их культура, их модели и стереотипы берутся за основу), и самая сложная – поддерживать костяк здания, направлять действие других.

«Что значит быть “советским человеком”? Я представляю, как маленькому ребенку можно рассказать, что такое “советский человек”. Потому что это немного сказочное состояние. У нас удивительно прививалось понятие добра, у нас особое восприятие понятия добра и долга человека. Это первое. Второе, в нас с детства воспитывалось понятие обязанностей больше, чем прав. Мы всегда считали, что мы обязаны трудиться, быть добрыми, сделать бабушке, сделать дедушке, сделать маме, сделать ребенку, отдать себя государству. Но никогда не думали: а вот кто бы подумал обо мне лично? Тот же вот ребенок, та же бабушка, или еще кто-то. Это как бы закладывалось в подсознание, это однозначно, и это то, что не могут за границей понять. У нас был большой Папа, который должен был за нас думать, а мы должны были работать на этого большого Папу. А большой Папа – это было большое одно государство» (армянка, 47 лет). “Русский” словно бы скрывался за ролью “Папы”.

Русские так свою роль не осознавали. Респондент говорит: *«Поведенческий стереотип, своеобразие этой многонациональной страны, заданный именно русскими, не воспринимался ими как принадлежащий своему родному этносу в первую очередь. Хотя поведение СССР снаружи воспринималось именно как русское. Русские сами себя слабо ощущали как нацию, не воспринимали свое поведение как национально-своеобразное. Меж тем для “остальных” они были очень своеобразным, “особенным” народом, дававшим, к тому же, замечательные образцы как для личного подражания в любой области, так и для общей симпатии как к народу. Вряд ли узбек мог перечислить десяток уважаемых им казахов. Зато сколько он знал замечательных русских! Это и служило прекрасным фундаментом национальных отношений в стране. Увы, у большинства моих русских знакомых было трудно найти понимание в том, что “русские” – это тоже народ, национальность. Они возражали, что у них ничего такого нет, они “нормальные”, “обычные”, “простые” и даже, что “они на такое никогда не пойдут, чтоб иметь национальность”. И это говорят представители народа, обладающего яркой и общеизвестной самобытностью, игравшей роль в мировой истории на протяжении веков!»* (армянин, 57 лет).

Еще совсем недавно так и было: русские как имперский народ не хотели иметь национальность. Однако последнее, скорее всего, было тоже игровым элементом – уже со стороны русских. Им легче было не рефлексировать по поводу того, что система отношений, заданная в стране, эта самая “дружба народов” – преломление русской имперской политики. Как объяснял один из респондентов, *“от русских вообще ничего не требовалось, точнее, требовалось оставаться самими собою”* (дагестанец, 47 лет). *«Образ русских в глазах народов-друзей – образ лидера чисто харизматического. Ничего не надо делать особенного: чем больше русские будут вести себя как этнос со своими интересами, тем больше этот образ будет служить образцом для соседей. В кругу российских народов понятие “нация” – это стереотип бытования в поле зрения русского народа. Под его взглядом. Межнациональные отношения скла-*

дываются так, а не иначе, с учетом наличия “всевидящего ока” русского народа. Не путать с “оком власти”. Русский народ, культура, язык служат образцом, в рамках которого хочет вкладываться национальное поведение, форма, которую принимают даже межэтнические конфликты. Каждая из сторон любого конфликта хочет “прозвучать” на русском языке – хорошо ли, плохо ли – но не остаться забытой русским мнением» (армянин, 52 года).

Но что самое главное, именно русские должны были вкладывать в сценарий смысл, соединять два сценария – “дружба народов” и “вперед планеты всей”. Мы видели, что атрибуты идеологемы “советский человек” во втором сценарии – чисто государственно-идеологические. Причем безрелигиозно-государственно-идеологические, то есть держащиеся на стремлении к превосходству как таковому. А значит, на более высоком уровне смысл конструкции оказывается потерянным. При этом у русских очень сильно государственническое сознание: *“Ох, видимо, для русских действительно так важен вопрос о государственности... Без его обсуждения – дено и ношно – и пахарю не пахнет, и летчику не летается...”* (армянин, 57 лет).

Если всеми народами сценарий “дружба народов” может восприниматься как отчасти игровой, то у русских он постепенно, но неизбежно ведет к кризису государственного сознания. Как раз по мере того, как другим народам Советского Союза становилось все комфортнее и комфортнее при поверхностно-идеологичном, почти не давящем брежневском режиме, у русских назревал кризис их государственного сознания. Их имперского сознания. Центральный принцип империи всегда “С нами Бог, разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами Бог”. Имперское действие не может быть сугубо прагматичным. Если представители других народов смотрели на войну в Афганистане как на еще одну возможность увеличить мощь государства (большинство нерусских именно так ее и понимали), то для русских это была **война без смысла**. Прежние русские завоеватели несли покоренным народам православие, нынешние – только идеологическую пустоту [Лурье, 2005]. Нерусские же полагали: дело в том, что русские мало чувствовали поддержку, не понимали, что их *“просто любили как национальность. А они этого не понимали, и не верили. Может, сами себя не очень любили...”* (армянин, 53 года). Русские не любили себя в качестве несущих идеи советизма и в отличие от нерусских не могли от них абстрагироваться. Проблема же состояла в том, что русские жили **в государстве**, а нерусские – **в стране** – это большая разница. Страна – сообщество людей, и прежде всего здесь важны межчеловеческие отношения; государство – идея мироустройства, за которую можно сложить голову. И если инородец сложит свою рядом с вашей, то это не ради идеи, а ради желания русскому помочь, а также сохранить то человеческое сообщество, которое представляет для него высшую ценность.

Можно сделать вывод: в любом стабильном полиэтническом обществе существуют мифологемы и соответствующие им сценарии межэтнических отношений. Часто они имеют форму социально-политических проектов, проводящихся как правительственная программа. Но существует такая программа или нет, эти сценарии формируются “снизу”, в процессе взаимоотношений этнических групп. Спущенная “сверху” программа реинтерпретируется. В каждом случае это народное творчество.

Сценарий межкультурных (межэтнических) отношений – составная часть обобщенного культурного сценария того или иного общества [Лурье, 2010]. Это касается всего полиэтнического общества, которое по тем или иным причинам содержит значительный общий культурный пласт и, кроме того (в более или менее развитом виде), – общий культурный сценарий, взаимосвязанный с культурными сценариями доминирующего народа и народами, находящимися с последним в тесном взаимодействии. Коль скоро такой сценарий оказывается нарушенным, культурная система, не допускающая лагун, стремится к его регенерации. Так, система отношений народов Российской империи заменяется на характерный для советского времени сценарий “дружба народов”. Он оказался для советского социума приемлемым, поскольку соотносился как с системой культурных констант доминирующего народа, так и системой

культурных констант полиэтнического общества как целого, пусть даже неизбежно в различных этнических культурах они будут преломляться по-своему.

Посредством культурной “отработки” большого “потока материала” постепенно начали выделяться новые “значимые схемы” (термины Р. Д’Андреа [D’Andrade, 1984, p. 91]), ставшие материалом для формирования новых составляющих “интенциональных миров” (термин Р. Шведера [Shweder, 1991, p. 48–49]), новых трансферов и новых культурных сценариев, релевантных обобщенному культурному сценарию общества, выходящего из состояния кризиса [Лурье, 2010]. В нашем случае сценарий межэтнических отношений, выражавшийся в “дружбе народов” должен был быть релевантен обобщенному культурному сценарию русских и при этом давать материал, удобный для реинтерпретации этническими культурами, проживающими в тесном контакте с русскими, способствуя упрочению общесоветского культурного сценария: ведь любой сценарий держится на своеобразной игре интерпретаций и реинтерпретаций. Причем, если нерусские в своих взаимосвязях имели представление об интерпретации сценария “дружба народов” друг другом (впрочем, как показал постсоветский период, на весьма поверхностном уровне), то как воспринимали его русские, нерусские даже не догадывались, а русские не ведали, что они принимают участие в некоей игре. Все происходило как бы само собой, согласно ритму обобщенного культурного сценария.

Однако выход из “игры” доминирующего этноса по причине неудовлетворенности его ценностными доминантами ведет к тому, что реальность уже не укладывается в обобщенный культурный сценарий, принятый полиэтническим обществом, лишается необходимых адаптивных свойств и начинает распадаться. Точнее было бы сказать, начинает деградировать совокупность картин мира этнических групп, на основе которых происходит функциональное взаимодействие между этими группами. Функциональное межэтническое взаимодействие лишается смысла. Ведь оно строится на “обыгрывании” центральной для социума культурной темы (в данном случае, темы “И на Марсе будут яблони цвести”). И лишь в процессе этого “обыгрывания” этническая культурная тема выступает в своих различных интерпретациях. Имея дело с живым этнографическим и историческим материалом, мы видим и чувствуем, когда функциональное взаимодействие нарушается из-за того, что та или иная форма существования этноса, тот или иной способ его функционирования (быть может, почти безукоризненный с точки зрения адаптации) оказывается лишенным своего смысла, своей идеальной подоплеки. Несмотря на всю красоту и гармоничность сценария “дружба народов”, русские не захотели играть в нем свою роль, так как потеряли ее смысл, ее высшее предназначение. Для того, чтобы ход функционального внутриэтнического конфликта восстановился, должна быть найдена другая центральная культурная тема. Самоструктурирование социума происходит как взаимодействие его групп, имеющих различные ценностные ориентации. Мир не пересоздается в соответствии с новой картиной мира, а уже будучи перестроенным, узнается как адекватный ей. Объяснение смысла и истории образования новых институций происходит *post factum*, на основе принятой ценностной ориентации и включается в качестве компоненты (мифологемы истории) в картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вердери К.* Нации и национализм. М., 2004.
Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2005.
Лурье С.В. Национализм, этничность, культура // ОНС. 1999. № 4.
Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Социология и социальная антропология. 2010. № 2.
D’Andrade R.G. Cognitive Anthropology // New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge, 1994.
Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1967.
Shweder R.A. Thinking Through Cultures. Cambridge–London, 1991.